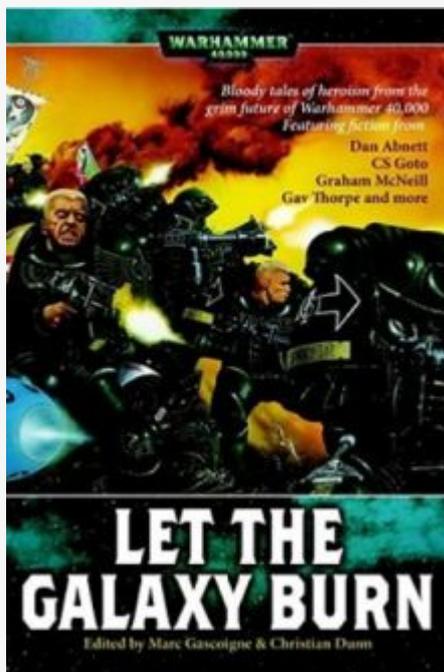

Башня / The Tower (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Башня / The Tower (рассказ)

Автор	К.С. Гото / C.S. Goto
Переводчик	The Fear
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Пусть Галактика горит / Let the Galaxy Burn
Год издания	2006
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Узкий темный коридор, который выводил из шифровального блока, был грязным. Маленькие кучки пыли собирались вдоль стен, постепенно они превращались в пастообразную субстанцию, когда смешивались с влагой, просочившейся сквозь каменную кладку стен. Лексио видел полосы чистого пола перед каждым дверным проемом, выходившим в коридор, и аккуратные следы, оставленные в пыли, когда другие шифры поспешно проходили здесь по своим делам. Отметины оставались на своих местах уже долгое время, и Лексио запомнил их все, в конце концов — запоминать все было его непосредственной обязанностью. По этим отпечаткам на полу Лексио мог рассказать: был ли кто болен, отсутствовал или просто заработался допоздна.

Прислужники в этом секторе башни всегда начинали свой рабочий день в коридорах, смежных с Залом пересмотра истории. Это был тайный центр их мира, поскольку им запрещалось входить сюда. Вокруг зала располагалась целая вселенная проходов и палат, которые им никогда не суждено было увидеть. Они суетились, постоянно бегая из зала в зал в своей особой, неповторимой манере, никогда не поднимая взгляда от пыльного пола. В конце рабочего дня они проходили через все маленькие царства ординатов и префектов и расходились по своим жилищам, которые были скрыты и находились глубоко в подземных владениях архивов башни, находящихся под довольно ветхим западным крылом огромного здания. Сами прислужники занимали еще два яруса в одном из секторов башни, в которых никогда не убирались. Даже профессиональные уборщики легендарной Башни Идолов жили в трудно вообразимых условиях, запущенности и запыленности.

Расписание по уборке было составлено так, чтобы самые важные части башни были гарантированно вычищены до блеска первыми. Не годится Историкусу, приходя утром в главный Зал, обнаружить его покрытым слоем пыли и производственным мусором, быстро накапливавшимся за сутки в круглосуточно работающей башне. Разрешить такое — приравнивалось к самой невообразимой ереси. Фактически, чтобы избежать оскорбления высоких чинов Империиума, младшие ординаты настояли на идее продлить рабочий день прислужников немного дольше, чем стандартный. У этой идеи было одно преимущество, она заставляла прислужников думать, что они всегда отстают от графика, вынуждая их работать посменно так, чтобы одни чистили коридоры вне Зала пересмотра истории, а другие доходили бы до шифровальных блоков. Все смены делили между собой единую зарплату, и никто не посмел бы пожаловаться, потому что им и так сделали честь, разрешив работать в башне; прислужники набирались из населения, жившего около башни, они были единственными, кто не наследовали чины в Администратуме и могли надеяться только на звание адептов. Ординаты, придумавшие такой гениальный ход, были представлены к повышению до префектов.

Лексио покачал головой, когда ему пришлось смахнуть своими тонкими пальцами гирлянды паутины, развешенных вокруг дверного проема его маленькой опочивальни. Это ему приходилось делать каждое утро. По непонятным причинам, несмотря на гениальный и запутанный график уборщиков, вход в его комнату всегда был грязен. Он негодовал из-за необходимости идти через всю эту грязь — он был наследственным шифром, а не каким-то там чернорабочим на побегушках. Но, как одержимый, каждое утро он сам смахивал паутину и грязь своими чистыми пальцами, собирая под ногтями частички пыли, и проклинал про себя некомпетентность рабочих: адепты, как же.

Тщательно переступая небольшими шажками, избегая трещин между каменными плитами и стараясь идти по оставленным многочисленным отпечаткам, Лексио наконец-то прошел через полутемный коридор. Шифр делал это настолько часто, что стороннему наблюдателю показалось бы неестественным, как он удлиняет или укорачивает свои шаги, чтобы в точности попасть в следы на полу. В действительности ему не требовалось смотреть себе под ноги — он знал, где находится каждый отпечаток и мог без проблем пройти по коридору в полной темноте. Маршрут от блока шифров до Зала пересмотра истории впечатался в его память четырехмерной картой. Он точно знал, куда следует поместить ногу в любой момент времени, на любом отрезке пути.

Конечно, Лексио не осознавал, что знает маршрут в таких мельчайших подробностях. Он просто повторял его настолько часто, что просто не задумывался больше о нем. Это просочилось в его мозг в обход сознательной стороны. За многие годы до этого произошел несчастный случай, который прервал прогулку Лексио до места работы. Чернорабочий свалился с лестницы прямо на каменный пол перед ним и сломал себе шею. Выведенный внезапным происшествием из своего обычного состояния, Лексио потребовалось почти полчаса, чтобы вернуться по следам назад к своей маленькой опочивальне и начать

путь заново. Теперь он жил в смертельном страхе перед тем, что это может случиться снова.

Пока Лексио предавался воспоминаниям, позволяя ногам нести его по первому лестничному пролету, ведущему к более чистому воздуху сектора ординатов западного крыла, он иронично улыбался специфике своего призвания — памяти. Лексио был обречен помнить все и все же не иметь сознательного доступа к воспоминаниям. Этот уникальный навык очень ценил Администратум. Шифры Башни Идолов тщательно отбирались. Их родословные были скрещены в строго управляемых условиях, а талант, который получал потомок, тщательно культивировался в специализированных академиях. Каждый год проводились тесты. Все семьи традиционно готовили своих детей к тестам в течение многих лет; отцы и деды передавали секретные искусства самогипноза, которые позволяли ребенку запоминать огромный объем информации, не понимая ее значения. Некоторые из семей служили Администратуму со времен Императора, и они чрезвычайно гордились своим благородным происхождением.

Лексио резко остановился и сделал шаг назад. Он не чувствовал себя расслабленным этим утром и уже сделал ошибку, не завершив этот шаг до конца. Где-то в глубине его сознания голос начал нашептывать молитву памяти его семьи, успокаивая разум, чтобы больше не совершать подобных ошибок сегодня.

Лексио автоматически остановился, пропуская тяжелое транспортное средство, стершее следы, которые он случайно оставил в пыли перед собой. Оно проезжало здесь каждое утро на пути к Залу пересмотра истории и принадлежало одному из префектусов-секундус. Лексио резко развернулся и пошел по широкому коридору вслед за префектусом, точно придерживаясь аккуратных следов транспортного средства.

Этот широкий, низкий коридор соединял крыло ординат с лучше продуманной планировкой сектора, населенного префектами. Его ширины вполне хватало, чтобы по нему могли пройти сразу пять ординатов плечом к плечу в разгар трудового дня, но потолок был настолько низок, что любой из них, если бы захотел, мог без усилий коснуться его. Выше прохода был еще один, точно такой же. Выше еще один и еще, и еще, и еще. Если бы Лексио прислушался бы лучше, то смог бы различить шаги чиновников на пути к своим рабочим местам. Звук являлся частью знакомого фонового шума Башни, и это еще раз напоминало всем, что они занимают специальное место в огромной, великолепно настроенной машине Администратума. Конечно, Лексио едва замечал его. Он просто знал, какие тона должен слышать, и какой громкости они должны быть в любой момент рабочего дня. Сегодня шум звучал великолепно, и это немного успокаивало.

По мере того, как путь становился ближе и ближе к Залу пересмотра истории, его своды становились все более внушительными. Потолок начал уходить под небеса, а мощные столбы, поддерживающие своды, вырастали из пола и терялись где-то в вышине. К тому времени, когда коридор закончился в секторе префектов и достиг окраин района Историкус, он больше напоминал собор, с большим сводчатым потолком, взмывающим в невидимые высоты. Но Лексио никогда не смотрел вверх. Он узнал это место лишь по оживленному движению и убранному и отполированному чистому полу. Даже не осознавая почему, Лексио почувствовал, как напряжение спало с плеч, поскольку мозг осознал, что больше не надо быть настороже, выискивая, куда поставить ноги. Здесь не было следов, оставленных в пыли, только трещины в полу, которые следовало бы избегать.

Пройдя ровно двести семьдесят четыре шага, Лексио резко повернулся направо к темному и низкому проходу с положительным уклоном, ведущему к следующему уровню. Этот коридор вообще никогда не чистился, по-видимому, у Историкуса не было повода или причин забредать в туннели, предназначавшиеся для прислуги. Ноги Лексио проскальзывали в слоях пыли и грязи наклонного коридора. Здесь было слишком темно, чтобы увидеть, где располагаются трещины и отпечатки следов,

поэтому он нервно и быстро, чуть ли не бегом, преодолевал это небольшое расстояние. После двадцати скользких шагов шифр, наконец-то, вышел в великолепно освещенную парадную. Бледный утренний солнечный свет заливал все помещение, выполненное в готическом стиле, он исходил из расположенных по всей длине стен круглых окон, отбрасывая длинные тени на ярко-белом полу. Каждое окно изображало сцену из великой истории Империи, начиная со времен Ереси Гора и заканчивая настоящим. Все мозаики в окнах были выполнены из цветного стекла. Посетители отдела пересмотра истории проходили по великолепно созданной линии времени, по безукоризненно отполированному полу из белого мрамора, прежде чем достигнуть больших дверей в конце. Такая обстановка вполне соответствовала героизму и чистоте Империи Человечества.

Походка Лексико изменилась, когда он проходил через все это великолепие. Ни разу не случилось так, что он был напуган грандиозностью деяний великих людей, так как никогда не смотрел на изображения, украшавшие окна, или обременен обязанностями, которые ждали его, пока он шел к дверям. В его сознании, скорее всего, блуждали мысли, что у него слишком грязные ноги, и он оставляет следы на древнем мраморе. При каждом шаге он высоко поднимал ноги и легонько касался пола, держась в стороне от трещин между огромными плитами камня. Согласно четырехмерной карте, впечатавшейся в его мозг, Лексико должен был точно рассчитать свое появление, чтобы оно совпало с началом работы следующей смены прислужников таким образом, его следы были бы уничтожены в течение пятнадцати минут.

Что-то другое, едва различимое, было сегодня в этой прихожей, и тень сомнения прокралась в разум Лексико, как гниение затрагивает переспевшие фрукты. Поскольку более высокие функции вырвали его из состояния задумчивости, он осмотрелся вокруг и обнаружил, что находится в середине Процессии истории. Целая минута потребовалась, чтобы успокоить нервы, когда он понял, что видит нужные двери перед собой и ему не надо возвращаться к своей келье, чтобы вновь начать путь. Успокоенный таким образом, Лексико опустил взгляд на мерцающий белый мрамор под ногами и изо всех сил постарался понять, что же здесь было не так. Что могло потревожить его так, что сломало привычный порядок вещей? Ведь на сей раз вокруг не было никаких прислужников со сломанными шеями, преграждавшими ему путь.

После нескольких минут сосредоточенной концентрации в уме Лексико начала проясняться картина. Он скрупулезно изучил древний пол, наблюдая за постепенно движущимися тенями, ползущих по мрамору. Одно из темных пятен немного отличалось от того, каким было в предыдущий день... во все предыдущие дни. Было только крошечное отличие, только намек на выпуклость там, где должна была быть гладкая однородность.

Лексико осторожно оторвал взгляд от пола и посмотрел на великолепное изображение на окне, сверкающее красными и золотыми оттенками на солнце. Картина изображала искаженного в муках гигантского красного космического десантника с крыльями ангела, держащего огромный меч. Это был первый раз, когда Лексико увидел облик Адептуса Астартеса. Острая боль вины пронзила его душу, он понял, что не достоин лицезреть столь прекрасные творения. Но он собрал всю свою храбрость и сощурил глаза, концентрируя взгляд на столбе, который возвышался возле края большого окна. На замысловатой каменной кладке было множество изображений, символов и надписей, исполненных на высоком готике. На арке, обрамляющей великолепное окно сверху, Лексико увидел маленькую горгулью с глумящимся лицом и два длинных Хомса. Он проследил линию света от отвратительной скульптуры до пола и понял, что неправильную тень отбрасывает лицо горгульи. Искося смотря против света и напрягая зрение, он увидел крошечное черное пятно между рожками скульптуры. Оно было таким маленьким, что казалось, будто там вообще ничего нет, кроме тени, которая и не давала покоя

великолепной памяти Лексио.

«*Что мне теперь делать?*» — подумал Лексио, нервно скручивая руки и с тревогой озираясь вокруг в поисках других чиновников в прихожей Процессии истории, надеясь, что один из них мог заметить неполадок в каждодневной рутине.

Вид чьих-то ступней заставил остановиться. Они были на его пути, мешая продолжать ежедневную уборку, и, очевидно, не собирались отодвигаться в сторону. Крегг осторожно подталкивал их щеткой, надеясь, что они не имеют никакого продолжения, и что он спокойно сметет их с остальным мусором и продолжит работу. Сегодня он немного опоздал и надеялся, что не задержится надолго в прихожей Процессии истории — всегда искрящейся чистотой, уверенный в стерильности пола.

Ступни не сдвигались с места. Вместо этого странный хриплый шепот доносился сверху, как если бы кто-то пытался привлечь внимание Крегга. На мгновение ему показалось, что это какой-то тест. Опытные прислужники предупреждали его, что иногда префекты могут поджидать ничего не подозревающего чернорабочего в засаде и затем сыграть с ним какую-нибудь злую шутку. Каким был результат, зачастую зависело от рассказчика. Глубоко под западным крыло, полным треска масляных светильников, Крегг часто слышал страшные рассказы о том, как префекты могли одним лишь взглядом превратить прислужника в камень или полностью стереть его память. Он также слышал, что много уборщиков пропали из башни и никогда уже не вернулись только за то, что посмели бросить короткий взгляд на наследственного чиновника Администратума. Независимо от правдоподобности этих рассказов, Крегг ни разу не посмел оторвать глаза от пола вне темных границ сектора прислужников. И сейчас он абсолютно не хотел изменять этой привычке.

После нескольких неудачных попыток, Крегг повел метлу в обход ступней и попытался продолжить путь. Но ноги начали перемешаться, строго ступая по трещине между мраморными плитами, и вновь застыли перед Креггом. Складывалось впечатление, что ступни специально мешают ему продолжить выполнять данные Императором обязанности. Внутри Крегга начал закипать гнев. В действиях ступней он увидел ничем не прикрытую ересь, костяшки пальцев побелели, крепко обхватив древко метлы. Он с силой двинул щеткой по ступням, все еще не решаясь поднять взгляд.

— Извините меня, мой лорд, — едва слышно прошептал он. — Но я должен продолжить... во имя Императора, — добавил он, надеясь, что священное имя сможет сдвинуть ноги с места.

Сверху послышался кашель, а затем тонкий, неуверенный голос произнес:

— Смотрите, т... там, т... там, что-то е... есть.

Крегг прекратил скрести щеткой по ногам, чтобы услышать слабый шепот. Он абсолютно не походил на уверенный голос адепта, способного превратить его в камень или стереть память одним словом. Он снова посмотрел на ступни. Они были обернуты в простую, ничем не украшенную серую ткань, на каучуковой подошве. Как заметил Крегг, пятки были покрыты толстым комковатым слоем грязи. Оглянувшись назад, он увидел четкие липкие пары следов на мраморном полу.

«*Где видано, чтобы ноги префектов были такими неопрятными?*» — задался вопросом Крегг. Брат Грик закончил уборку перед ним, и Крегг понял, что ступни никак не могут быть ступнями префекта.

Медленно, с трепетом в душе, он немного начал поднимать глаза вверх. Серые ступни переходили в серые же штанины, которые прятались под сгибами длинной невыразительно-серой блузы. Проследив

взглядом последние несколько сантиметров, он впервые за пять лет после отбора увидел лицо наследственного чиновника Администратума.

Оно было бледным с короткой щетиной серых волос на нижней челюсти и голове. От виска и вниз по лицу шла татуировка из сложных и витиеватых графических символов, написанными четкими вертикальными линиями, которые исчезали под материалом блузы. Но после всех рассказов о превращающем в камень взгляде, Крегг не увидел глаз человека. Они были устремлены куда-то вверх, на один из витражей Процессии истории. В том же направлении указывала и рука человека, он бормотал что-то несвязное, будто говорил сам с собой.

Часовые стояли в тишине, наполовину скрытые в глубокой тени декоративного, арочного дверного проема. В коридоре, который вел в Великий Зал Виндикар, не было никаких окон, и ни один луч света не пробивался извне. Весь храм был скрыт во тьме. Бесконечные лабиринты коридоров постоянно искривлялись, то возвращая путника в то же место, откуда он пришел, то заканчиваясь тупиком. Некоторые из них были заминированы взрывчаткой, другие не до конца завершены, зияя провалами, в которых ждала мучительная смерть. Местами в них не было пола, и каждый проходящий рисковал упасть в отвратительную пропасть, где его поджидал забытый ужас, чтобы пировать над небрежным глупцом.

Только очень хитрый и хорошо тренированный противник мог осмелиться предпринять несанкционированное проникновение в храм Виндикар. Но сделать это он мог, только пройдя через запутанные лабиринты, напичканные бесчисленными ловушками, да еще ему бы пришлось выжить в столкновении с часовыми, которые умело маскировались, охраняя проход в Великий Зал. Они не были обычными воинами или стражниками, они принадлежали к гордым и высокочтимым братьям Виндикар, которые держали бессменную вахту перед священным оплотом их веры. Их облачение состояло из ритуальной синтеплоти, поглощавшей слабый свет и делавшей охранников почти невидимыми. Оружием им служило невероятное множество экзотических лезвий, на многие из которых никогда не падал солнечный свет.

Этим особенным утром стройная и изящная фигура мчалась сквозь тьму храма Виндикар. Она с уверенностью спешила через сеть проходов, ступая вокруг ложных каменных плит и, недолго думая, перепрыгивая через разверстые пропасти. Казалось, что она знала, где они находились еще до того, как подойти к ним вплотную, то соскальзывая с перил лестниц, то аккуратно ступая по выступам из черной каменной стены. Все это время ее простые черные одежды трепетали и вздымались позади нее. Благодаря уникальной системе, по которой была собрана ткань, гибкий материал не производил ни единого шума.

Без колебаний таинственная фигура подпрыгнула в воздухе, когда выскочила в темноту коридора, ведущего к Великому Залу. Она схватилась за края висящего черного знамени и поползла по нему вверх с ловкостью паука. Фигура почувствовала внимание часовых, стоящих вдоль длинного, узкого коридора внизу, но не прекратила движение.

Достигнув верхнего края, она подтянула тело на тонкий горизонтальный выступ, на котором было закреплено знамя, и на мгновение остановилась, укрывшись в нишах потолка. Резко оттолкнувшись, фигура взмыла в воздух, сделав несколько переворотов через голову. Ее падение происходило по плавной дуге.

Мягко приземлилась на вершине арки дверного проема, который вел в зал, внизу, на расстоянии

четырёх метров, виднелись макушки голов двух часовых. Сложившись пополам, она ухватилась за выступ на кладке и позволила телу упасть вперед. На другой стороне арки был такой же выступ, и именно за него аккуратно схватилась фигура.

В темном пространстве зала вообще ничего нельзя было разглядеть. Стены были выложены из вивидиума — каменной смеси, которая практически впитывала свет.

Этот факт ее несколько не удивил. Она тихо начала взбираться на стену, ловко выискивая крошечные трещины между большими каменными блоками и подтягивая себя к невидимому потолку. Спустя несколько мгновений фигура достигла толстого выступа, на котором был расположен ряд черных горгулий. Затаившись позади одной из них, она начала ждать, невидимая и совершенно неподвижная.

— Ах, Нижия, я ждал вас. У меня есть для вас задание, — прозвучал голос из темноты.

Письмена в книге были сделаны на неизвестном и древнем языке, и это заставляло голову Тукидии идти кругом, когда она пыталась в них разобраться. Складывалось впечатление, что они специально были так написаны, чтобы их невозможно было прочитать. В тусклом свете вокруг ее стола в хранилище 47589x3 библиотеки Историкус, Тукидия терла лоб, пытаясь отогнать головную боль, и качалась на стуле. Она посмотрела вдоль прохода, с обеих сторон от нее ряды сотен таких же столов исчезали вдали во всех направлениях, они были расположены перпендикулярно книжным полкам, и Тукидия покачала головой от страха осознания, какой дух мудрости царил вокруг нее. Хранители, сидевшие за этими столами, вели свое происхождение от знатных семей ученых сегментума.

Насухо протерев руками глаза, Тукидия откинулась назад, пытаясь немного отвлечься от рукописи перед ней, чтобы потом вновь сосредоточиться. Язык был архаичной формой виндракума, извращенной ранней версией имперского готика, датированного временем Оправдательной войны. Вероятнее всего, Тукидия была одной из маленькой горстки людей в галактике, которые все еще были способны прочитать этот текст, со всеми его смысловыми конструкциями и идеограммами. Это был необычный письменный язык, не имеющий никакого произношения вообще. Казалось, что агентам древнего храма Виндикар, которые пользовались им, никогда не нравились звуки.

Как и ее отец, Тукидия отслеживала лазейку в истории Империи, изо всех сил стараясь найти одну из многих недостающих частей огромной мозаики, рассказывающей о завоевании звезд человеком. Она унаследовала свое положение в Башне Идолов от отца, как только он передал ей свои редкие лингвистические знания о последствиях Оправдательной войны. Тукидия самостоятельно сузила область исследований к действиям ранних магистров Виндикар. Оказалось, что их зловещее и тайное присутствие скрывалось за многими важными событиями того времени, но она никак не могла найти отчетов об их деятельности. Складывалось впечатление, что они ничем не занимались в течение многих тысячелетий. Даже самый пристальный взгляд на картины изображенные на огромных витражах Процессии Истории не увидел бы какую-либо деятельность Официо Ассасинорум. У организации была своя, никому невидимая история, одновременно невероятная и неправдоподобная — две самые интригующие стороны исторической загадки.

Три прислужника суетились возле основания стремянки, двое держали с разных сторон, а третий на ступеньке выше играл роль противовеса. Сильно отполированный мраморный пол был не лучшей поверхностью, на которой следует устанавливать столь шаткую конструкцию, но лестница была

единственным средством, оказавшимся под рукой, и самой сложной технологией, доступной для адептов-чернорабочих. Ножки лестницы скользили на холодном камне, а три прислужника изо всех сил старались удержать ее на месте, постоянно натываясь и спотыкаясь друг о друга. Часть проблемы заключалась в их нежелании отрывать взгляд от пола, таким образом, ни один из них не знал, что происходит наверху и вокруг них.

Тем временем, к вершине лестницы приближалась трясущаяся фигура Крегга, его руки неуверенно держались за каждую новую ступеньку, а ноги дрожали под собственным весом. Он старательно смотрел вниз, но понимал, что с каждым шагом вверх его взгляд с такой высоты охватывает все новые горизонты. Теперь он мог видеть крылатого воина, изображенного на окне напротив него и стоящего возле основания лестницы шифра, что-то бормотавшего себе под нос и с тревогой смотрящего снизу вверх на Процессию Истории.

Сделав еще несколько шагов, Крегг потянулся рукой, чтобы схватиться за следующую ступеньку, но ее там не было. Все еще не отрывая пристального взгляда от пола, он двигал рукой из стороны в сторону, пытаясь найти следующую, чтобы еще немного продвинуться вверх. Со страхом от понимания, Крегг медленно поднял взгляд от пола — он достиг вершины.

Крегг понял, что смотрит в светло-серое лицо гранитной горгульи, когда линия ее глаз, наконец, сравнялась с уровнем его головы. Он вздрогнул, когда увидел ее. Три прислужника с трудом удержали лестницу от резкого движения Крегга, но он быстро вернул самообладание перед лицом неодушевленной каменной бестии.

В течение некоторого времени Крегг не отрывался от уродливой скульптуры перед собой, задаваясь вопросом, зачем кому-то понадобилось украшать великолепную, чистую Процессию столь уродливыми формами. Затем ему пришла мысль о том, как давно никто не чистил ее. Автоматически он натянул рукав своей блузы, чтобы протереть отвратительную морду.

— Ах, д... да, — послышался слабый голос снизу. — В... возможно Вы м... могли бы... достать ту т... трубку?

Крегг встряхнул головой, серый, заикающийся, полный беспокойства голос шифра заставил его остановиться. Он кивнул и потянулся рукой, чтобы ощупать пространство позади головы горгульи. Несомненно, что-то лежало в тонком промежутке на спине. Его пальцы ощущали место вокруг металлической трубки, оставляя следы в пыли на гладкой поверхности. Но ему не хватало длины руки, чтобы достать ее. Обхватив левой рукой горгулью, Крегг наклонился вперед еще немного и подтянулся выше, а правой рукой потянулся к трубке. Его пальцы ткнулись в холодную, гладкую поверхность, и он почувствовал, что она начала понемногу освобождаться от оков каменной кладки.

Все произошло очень быстро, Лексио услышал визг отчаяния, исходивший от одного из прислужников удерживавшего лестницу. Она выскользнула из их рук, и ее основание скользнуло к центру прихожей, свалив нескольких чиновников и заставив других оторваться от обычных дел. Тем временем Крегг, хныча и крича от страха, остался висеть, держась одной рукой за голову горгульи. Небольшая трубка все же выскользнула из каменной кладки и, звеня и гремя, покатила по мрамору пола.

— Гм, Вы должны п... помочь ему, пожалуйста, — сказал Лексио другому прислужнику, прыгая от одной мраморной плиты к другой по направлению к трубке — появление которой и так вызвало столько проблем. Когда Лексио добрался до нее, то натянул рукава на кисти рук так, чтобы не коснуться кожей ее поверхности, и поднял ее. Всмотревшись внутрь, он увидел маленький рулон бумаги, покрытый

странными небрежными загогулинами, которые он не смог распознать.

Вернувшись назад в знакомую темноту своих палат в одной из внешних башен храмовой зоны, Нижия отстегнула зажим, который удерживал плащ вокруг ее плеч, и позволила слоистому материалу скользнуть вниз и замереть грудой вокруг ее лодыжек. Эти роскошные одежды были данью уважения, в пределах храма Виндикар, и у нее нет никакой потребности в таком ложном смирении, находясь в Башне Идолов, и выполняя свои обязанности. Магистр Виндикар был очень озабочен важностью сохранения тайны, и она не собиралась рисковать прямым приказом от гроссмейстера храма.

Ее маленькая круглая комната была освещена только крошечными копьями света, которые выстреливали из трещин в стенах лишенного окон шпиля. Фактически, в храме Виндикар вообще не было окон, создавая атмосферу бесконечной ночи. Каждый год некоторые из вновь посвященных — все сироты, подготовленные в Схола Прогениум — сходили с ума из-за нехватки дневного света. Некоторым улыбалась удача, и их успевали вывести из храма до того, как серьезные отклонения в психике могли окончательно убить новичка. Класс из двадцати предварительно отобранных, потенциальных убийц мог уменьшиться до двух к концу третьего года обучения. Один из них неизбежно погибал в заключительном обряде посвящения девять лет спустя, когда эти двое будут противостоять друг другу на своем последнем испытании. Оно больше походило на тест их желания убивать, нежели на способность технически сделать это. Учитывая то, что каждый год набирались один или два класса, храм выпускал одного или двух полностью подготовленных убийц раз в год — это возлагало огромную ответственность на плечи каждого из них и делало их необычайно ценными для богачей или тех, кто способен был воспользоваться их услугами. В длинной, окутанной завесой тайны истории храма Виндикар эти убийцы не всегда оказывались агентами Императора. И они не хотели бы это афишировать.

Тоненькие лучи света скользнули по ее бледной покрытой шрамами коже, когда она задерживала занавес, окружавший синтедуш, который занимал почти четверть комнаты. Это было сложное устройство, используемое в том или ином виде во всех храмах под покровительством Официо Ассасинорум, хотя каждый подбирал свое собственное уникальное химическое соединение.

Нижия отрегулировала несколько клапанов, которые заставляли смесь разбрызгиваться, тщательно проверила каждый диск, уменьшая возможность ошибки. Правильное применение синтеплоти было вопросом жизни и смерти, так как некорректная настройка могла привести к удушью.

Выбрав три экзотического вида лезвия из стойки около душа, Нижия потянула ряд рычагов и затем щелкнула выключателем, когда встала на пьедестал в фокусе различных носиков и трубочек. Закрыв глаза, она почувствовала, как плоть слой за слоем накапливается на ее теле. Распыление смеси было запрограммировано специально для ее тела, она сосредотачивалась вокруг главных групп мышц, чтобы увеличить их силу, и вокруг жизненно важных органов, чтобы обеспечить максимальную защиту. Тонкие слои запечатали холодное оружие на ее бедрах и поясице. Синтеплоть Виндикар также содержала некоторое количество кислорода и подавителей метаболизма в случае, если ассасину нужно было долгое время выжидать в засаде.

Резким движением отдернув занавес, Нижия осталась стоять, сверкая в пестром свете темной комнаты. Тело мерцало в гладкой, перепончатой броне, которая обнимала ее фигуру как вторая кожа. Она выдержала небольшую паузу, чтобы синтеплоть немного подсохла, позволяя пальцам легко пройти по ее прекрасным формам, прежде чем изогнулась вниз от пьедестала и схватила длинную винтовку, закрепленную на стене. Она поворачивала ее в руках, проверяя баланс, и защелкнула оружие на ремне, встроенном в ее спину. Не колеблясь и мгновения, она проследовала из палаты и незамеченной

ускользнула из храма.

— Вы опоздали на одиннадцать минут, шифр, — шипел Кейл, смотря на Лексио сверху вниз и пытаясь понять, что же было не так с ним этим утром. *«Все эти шифры выглядят одинаково»*, — думал он возбужденно.

Лексио переминался с одной ноги на другую, с тревогой крутя в руках металлическую трубку, которую он нашел в прихожей Процессии истории. Он смотрел вниз на свои ступни, не отрывая взгляд от стыка каменных плит и концентрируясь на том, чтобы случайно не наступить на него. Он знал, что это лучше, чем смотреть в лицо префекта, тем более секундуса, который сейчас делал ему выговор.

— Прекратите волноваться! — говорил Кейл, incapable более выносить систематического опоздания Лексио. — Сообщите своей станции и ждите, когда вас вызовут. Сам Историкус скоро будет здесь, и я уверен, что у него будет для вас задание.

— Н... но сэр... — начал было Лексио, все еще не отрывая взгляд от пола.

— Что!? — вскрикнул префектус, его терпение достигло предела.

У Лексио слова застряли в горле. Он часто замечал за собой, что не может вымолвить ни единого звука, столкнувшись с высшим должностным лицом, а потом в течение многих часов ни один слог не срывался с его губ, не говоря уж о словах и длинных предложениях. Тем более сегодня, после пережитых драматических событий у него не было вообще никаких слов. Вместо этого он уставился в пол и нервно перебирал пальцами по гладкой поверхности черной трубки, вертя ее в ладонях.

— Что! Что? Что это? — кричал Кейл, выхватывая объект и рук Лексио. Не церемонясь и не думая о важности этой вещи для Лексио, Кейл вытащил рулон бумаги и отбросил трубку в сторону. Он небрежно пробежал по символам, выгравированным на бумаге, и кивнул, как будто все это внезапно возымело смысл для него.

— А, понятно, — сказал он, возвращая рулон обратно Лексио, не одарив его и взглядом. — Я предполагаю, что это — документ из Археотехиум? Новая находка? — продолжил он, не ожидая подтверждения от шифра.

Лексио переминался и что-то бубнил, incapable ясно сформулировать мысль, но Кейл продолжил с нажимом, игнорируя шифра.

— Вы должны взять это и отнести в хранилище 47589x3 смотрителю 14.259. Дождитесь там перевода и затем верните его мне — я буду следить за вами. Вы меня поняли?

Лексио неопределенно кивнул, и его рот беззвучно открылся.

— Н... не... из ар... арки... не оттуда... — наконец, смог он вымолвить.

Глаза Кейла впились в невнятно говорящего шифра.

— Что? Не откуда? О чем вы говорите? Просто идите и переведите это и принесите мне, — резко сказал он, качая от удивления головой, что шифр все-таки сумел что-то сказать.

Вне зала, в котором они находились, началось странное волнение, виновниками шума оказалось несколько прислужников, переносивших лестницу.

— Что за утро, что происходит — бедствие какое-то, — бормотал Кейл, пока не вспомнил, что именно он был единственным префектусом-смотрителем поблизости. Кейл повернулся и зашагал к Процессии Истории, оставив Лексио в середине большого зала с трясущимися руками.

Яркий свет тек через витражи, отбрасывая длинные тени и посылая размытые цвета, похожие на те, которые бывают в калейдоскопах, через белый мраморный пол. Раскинув ноги и руки, Нижия с помощью костюма прицепилась к замысловатым резным камням потолка. Она видела, как волнение в прихожей Процессии истории постепенно начало затихать, причиной стал важного вида чиновник, вышедший из огромного дверного проема в конце зала и рывкнувший несколько команд встревоженным прислужникам. Трое из них убежали с лестницей, а один подошел к чиновнику, что-то бормоча, Нижия не смогла разобрать что именно — она не могла даже прочитать по губам, потому что его лицо было опущено к полу. Он нервно жестикулировал, указывая на небольшую статую над вершиной одного из витражей. Даже от простого присутствия прислужника лицо чиновника искажалось в отвращении, пока он слушал его рассказ. Потом он быстро кивнул и отпустил непритязательного адепта, вид облегчения появился на его лице, когда потрепанный человек оказался далеко в конце прихожей.

Нижия даже не дышала, пока занимала свою неподвижную позицию под потолком, наблюдая за людьми, снующими взад и вперед вдоль Процессии. Она находилась в глубокой тени одного из широких сводчатых куполов, которые были расположены по всей длине прихожей, она прекрасно понимала, что никто не в состоянии увидеть ее снизу, даже если бы они оторвали глаза от пола, чего никогда, казалось, не делали.

Спустя пару часов она заметила некую закономерность в передвижениях прислужников, шифров и ординатов снующих через Процессию в ходе выполнения своих обязанностей. Она наблюдала отлив и прилив живой крови Башни Идолов и поняла, насколько все здесь было предсказуемо, пока чиновники прохаживались по коридорам Администратума, совершенно не подозревая о ее присутствии.

Она дождалась затишья в движении толпы, которое происходило каждые двадцать три минуты, и затем спустилась из своего укрытия, ухватившись за одну из сложных люстр, висевших в Процессии, раскачавшись и аккуратным прыжком с кувырком мягко приземлившись на выступ одного из витражей. Она тихо продвигалась вдоль него, пока не достигла головы горгульи — традиционного пункта получения информации для агентов Виндикар. Дотянувшись рукой до задней части скульптуры, Нижия поняла, что Мастер Виндикар был прав — кто-то в башне узнал слишком много. Маленькая металлическая трубка пневматической почты пропала.

Снова воспользовавшись тенью на потолке, Нижия проползла в сторону больших дверей в конце прихожей и спрыгнула. Началась вторая часть ее миссии.

Тукидия раздраженно выпрямилась за столом и искоса взглянула через искусственное освещение лампы. Одетый в серое шифр стоял рядом с ее столом и смотрел вверх и вниз по проходу, как будто волновался, что кто-нибудь наблюдает за ним. В его руках был зажат маленький рулон бумаги, и он возбужденно переминался с ноги на ногу.

— Да? — просто сказала Тукидия.

— Пожалуйста, переведите это. Я буду ждать, — сказал Лексио, четко выговаривая слова, которые он повторял несчетному числу кураторов в прошлом.

Куратор схватила небольшой свиток из рук Лексио и быстро развернула его, просмотрев обе стороны бумаги прежде, чем положить его на поверхность стола. Там было всего несколько строк текста, но диалект был весьма необычен, и Тукидия подняла вверх лицо, пока ее мозг судорожно пытался подобрать правильные слова. Археотехиум всегда находил и переводил новые документы, но большинство из них не удостоивались чести быть запротоколированными.

Когда содержание сообщения, наконец, проникло из ее сознания, Тукидия с трудом сдержала волнение. Она вскочила со своего стула и зашагала взад и вперед, что-то бормоча под нос, пытаясь понять его точное значение для ее запросов по махинациям магистров Виндикар. Это было готовым ответом, как храм Виндикар никогда не попадал на страницы истории.

Она умчалась вдоль одного из проходов между книжными полками в поисках каких-то файлов, оставив Лексио одного возле стола. Он понятия не имел, что могло так взволновать куратора, по сути его это не сильно беспокоило. Его собственные переживания о событиях сегодняшнего утра были раздавлены сухим, стандартным ответом префектуса на его находку, поэтому он будет просто ждать куратора, чтобы продиктовать перевод, так же как он делал это каждый день.

Внезапно Тукидия завизжала и вытащила огромную коробку с документами. Пошатываясь под ее весом, она заторопилась назад и с грохотом бросила ее на стол, незамедлительно приступив к сортировке и поиску нужных документов. Но вдруг, как будто что-то вспомнив, она резко остановилась и уставилась на Лексио. На мгновение она подумала, почему кто-то вообще интересуется переводом этого документа, ведь виндракум был мертвым языком, и его расшифровка должна была иметь только исторический интерес. Но она не могла задавать такие вопросы, а шифр, конечно же, не будет знать ответы. Она выбрала третий уровень кода доступа, чтобы шифр не смог узнать содержание документа, а затем продиктовала перевод.

Лексио моргнул пару раз, всегда немного дезориентируясь от процесса записи. Его сознание буквально выключилось на время диктовки, и сообщение пошло напрямик в нижние отделы мозга, отвечающие за подсознание. Когда он пришел в себя, ему понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, сколько времени занял весь процесс. В этот раз, как ему показалось, прошло всего несколько секунд. Голова куратора уже была обращена к коробке, она укладывала бумаги обратно, давая понять, что закончила с ним.

Опустив глаза обратно к каменным плитам, Лексио медленно шел вниз по главному проходу хранилища 47589x3, направляясь к огромной каменной лестнице, которая должна была довести его до Большого Зала. На мгновение у него возникло желание узнать содержание сообщения, скрывшегося в его подсознании, но заставил себя думать только о длительном восхождении по лестнице. Возможно, сегодняшний день не был таким уж захватывающим.

Задыхаясь и обливаясь потом, Лексио тщательно оторвал ногу от последней ступени и поместил ее в самый центр первой каменной плиты уровня. Выпрямившись, он поправил свою блузу, разглаживая складки и давая себе, немного времени чтобы отдышаться.

Открывшийся перед ним Зал исправления истории был заставлен столами и километрами стеков с документами. Огромный куполообразный потолок возвышался почти на триста метров — фактически, это была крыша Башни — и фрески, нарисованные за прошедшие столетия, были едва различимы, только непонятные пятна виднелись среди танцующих теней. На минуту Лексио замер и обратил взгляд к небесам, наблюдая за далёкими плывущими силуэтами, отражающими беспорядочную суету внизу, на земле. Он подумал о том, было ли там тихо. Иногда, в моменты еретической слабости, он даже задавался

вопросом, что лежит за пределами купола.

Огромный зал был круглой формы и простирался во всех направлениях до внешних стен гигантского шпиля. Единственная круглая стена была покрыта гобеленами, баннерами и изображениями, посвященными великим ученым Империи. Их резкие, недобрые глаза смотрели на чиновников внизу Отдела пересмотра истории, как будто следя за тем, чтобы никто не ленился.

На противоположной стороне зала, напротив великолепной лестницы, которая обеспечивала доступ к исследовательским хранилищам внизу, были двойные двери, которые выводили к Процессии истории. А в самом центре зала на высоте пятидесяти метров застыл великолепный трон Историкуса, искрящийся золотом. Его поддерживала сложная система платформ, выполненных в классическом стиле Империи. Сложная опора была разработана так, чтобы все посыльные из других частей башни могли легко определить платформы и дожидаться внимания Историкуса. Для Лексии это означало двадцать семь шагов за исключением нижней платформы слева. Но сегодня ему не нужно было к Историкусу, его путь лежал обратно к префектусу.

Просеменя по каменным плитам к трону, стараясь не попасть в трещины, а иногда перешагивая через одну, избегая наступать на кипы бумаг, Лексия понял, что Историкус уже прибыл на место. Он уже вошел на трон и раздавал указания старшим префектам. Посмотрев вверх, Лексия увидел, что префект-секундус стоит возле левого плеча Историкуса, выглядя очень довольным собой. Казалось, что он заметил, как приближается Лексия, но сделал недовольное выражение лица, которое ясно дало понять, что префектусу абсолютно не нравится мысль, что ему надо спускаться с платформы, для того чтобы поговорить с хнычущим шифром. Поняв это, Лексия остановился точно в двадцати семи шагах от платформы, за исключением ее основания, и стал терпеливо ожидать префектуса. После долгого путешествия и неприятного утра, он был рад немного передохнуть.

Нижия возникла возле головы одной из горгулий, схватилась одной рукой за выступ и оттолкнулась, позволив инерции привести ее тело в вертикальное положение. Она беззвучно кувыркнулась в воздухе и мягко приземлилась на одну ногу, отлично балансируя на узком выступе гравюры на стене. Окинув быстрым взглядом пространство внизу, она нырнула вниз головой вдоль стены, пролетев десять метров, прежде чем схватить нижний край баннера, пролетев спиной к другой стороне огромного купола. Она аккуратно приземлилась в основании почти вертикального флагштока, сразу доставая из-за спины длинную винтовку, отстегнув ее от ремня на спине.

Здесь был прекрасный угол для выстрела, поняла она, когда навела прицел на голову полного чиновника, сидящего в безвкусном золотом троне далеко внизу. Он был окружен мелкими администраторами, и только почти вертикальный выстрел мог достичь цели, никого не зацепив.

Задержав дыхание, Нижия заставила свой метаболизм остановиться, позволив химикатам в ее синтеплоти вливаться в организм, чтобы поддержать ее, в то время как все мускулы застыли в одном положении, давая ей прекрасную устойчивость. Полный человек в ее прицеле качался и смеялся, набивая рот едой и плюясь в своих помощников, когда выкрикивал указания для них.

Нижия думала о спусковом механизме и представляла, как голова человека взрывается от попадания. И затем это случилось.

Вот оно, промелькнуло в голове у Тукидии, вытаскивающей связку пожелтевших, старых документов.

Все это возымело смысл, когда она прочитала записи о том, как некоторые Историкусы погибали всюду по всей Башне Идолов. Все они занимались исследованиями относительно храма Виндикар, который, так случилось, находился на той же самой планете, но они все умерли, не оставив существенной документации относительно дел таинственных убийц.

Она вертела небольшой свиток в своих руках, перечитывая сообщение снова и снова, как будто не могла поверить, что текст был настолько простым и прямым. Это объясняло все.

Покачав головой и улыбнувшись простоте исторических загадок, она присоединила свиток сообщения к груде документов и положила их всех в коробку. Потом она подняла ее и пошла вниз по длинному проходу перед ее столом в хранилище 47589x3. Найдя нужную полку среди километров стеков, она задвинула коробку на место и вернулась к своему столу.

Посмотрев вдоль бесконечной линии кураторов, сидящих за их столами в 589-ом читальном зале 47-го уровня, она улыбнулась себе от осознания хорошо проделанной работы. Ее отец гордился бы ею, а Империиум еще на один шаг приблизился к разгадке некоторых тайн. Дело закрыто.

Столпотворение в большом зале затихло, когда голова Историкуса взорвалась дождем костяных осколков. Лексио нерешительно поглядывал на трон с расстояния в двадцать семь шагов, боясь, что кто-нибудь из высших должностных лиц увидит, что он бросает застенчивый взгляд на Историкуса. Вместо этого он увидел лицо префектуса с раскрытым в крике ртом и покрытым ихором, когда тот в спешке спускался вниз с платформы.

Лицо префектуса было тем, чего ждал Лексио, и он закрыл глаза, когда спусковой механизм памяти активировал способность запоминать. Его сознание отступило, и он начал проговаривать перевод свитка сообщения, абсолютно не понимая, что говорит. Смысл того, что бормотал шифр, заставил Кейла остановиться рядом с ним и в недоверии уставиться на него.

— Вы должны сегодня убить Историкуса, — они знают слишком много.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Башня /_The_Tower_\(рассказ\)&oldid=13227](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Башня/_The_Tower_(рассказ)&oldid=13227)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 мая 2020 в 17:28.